

чество и бесценные советы. Она, обучая других, постоянно совершенствуется сама. Это красивая и элегантная женщина всегда была и остается в центре внимания. Счастлива, что в моей жизни есть такой человек, как Юлия Михайловна Чурко.

*Н. В. Карчевская,
кандидат искусствоведения,
доцент, ректор БГУКИ,
2021 г.*

Об Юлии Михайловне Чурко можно писать и говорить долго и многословно. Можно. Но сложно. Во-первых, потому, что всегда сложно писать о человеке, которому всю жизнь сдаешь экзамен. Во-вторых, когда пишешь про Юлию Михайловну, то пишешь про танец.

Действительно, мы с детства сдаем экзамены. У каждого человека есть «пул» его экзаменаторов, то есть тех людей, мнение которых очень важно для экзаменуемого. Вот уже более 30 лет среди моих «топовых» экзаменаторов Юлия Михайловна Чурко: я была ее студенткой, потом аспиранткой, коллегой и, не поворачивается язык, но формально и «начальником». Между нами возникали разные коммуникативные связи, мы существовали в разных ролевых моделях, но в моей жизни Юлия Михайловна занимает особое место.

Эту фамилию я слышала с середины 1980-х. Слышала, как и любой человек, интересующийся хореографией. К тому времени фамилия доктора искусствоведения Ю. М. Чурко являлась символом непререкаемого авторитета в сфере хореографического искусства. На весь огромный СССР, который, как известно, «в области балета впереди планеты всей», было всего пять или шесть докторов наук, которые занимались исследованием этого вида искусства. И один из них был белорусом. Книги Чурко, посвященные белорусскому балету,

отличались глубиной, цельностью, логической стройностью, ярчайшим образным языком. В моем представлении их автор был седовласым старцем, познавшим суть вещей, достигшим невероятного уровня теоретического осмысления многослойных художественных процессов, которые, как я уже сейчас понимаю, применительно к хореографии в принципе довольно сложно осмысливаются.

В конце 1980-х я поступала в Минский институт культуры на кафедру хореографии. Заведующий кафедрой носил фамилию Чурко. Но где зеленый абитуриент, и где заведующий кафедрой! Ты тут еще судорожно пытаешься исполнить что-то похожее на правильные *battement tendu*, *developpe* и прочие сиссоны вкупе с подбивками и веревочками, чтобы тебя может быть взяли в число студентов, а впереди еще самая сложная часть вступительных экзаменов — «Композиция и постановка танца». Там, говорят, надо что-то сочинить, потом еще собеседование, на котором нужно все знать и даже как-то рассказать о хореографии. Так что ты где-то там, в балетном зале, среди толпы волнующихся, старающихся абитуриентов, отмеченных разной степенью способностей, а там — в высотах пятого этажа, в кабинете заведующего — находится человек, с которым ты, возможно, когда-нибудь познакомишься (если поступишь), который и есть «Чурко».

Даже сегодня мне сложно объяснить, когда после почтительно-го шепота, прошелестевшего из бледных уст присутствовавших: «Чурко, Чурко!!!» — в балетном зале появилась... Если описывать кратко, то это не мог быть доктор наук, светило и пр. Потому что от доктора наук были только очки...

В зале появилась цветущая, элегантная женщина, которая стала очень заинтересованно задавать вопросы абитуриентам, подходящим к столу экзаменаторов. Запомнился голос — звонкий, озорной и очень доброжелательный.

Среди студентов (а мне все же удалось войти в их число), распространялось множество слухов и легенд об Юлии Михайловне. В них ее образ предстал соединением двух балетных «архетипов» — Мирты из «Жизели», безжалостно изгонявшей нерадивых студентов, не выучивших хоть один из признаков романтизма, из нашего хореографического рая, и хозяйки Медной горы, которая, как известно,

тоже была весьма требовательной к Даниле-мастеру. Но, не смотря на все эти страшилки о семнадцатикратных пересдачах дисциплины «История балета» (как раз ее и преподавала Юлия Михайловна), после которых имена балетмейстеров, артистов балета, жанры фольклора и прочее, что входило в программу дисциплины, знали не только сами студенты, но и все их домочадцы, включая домашних питомцев, все же главным качеством, которое всегда отличало Юлию Михайловну, была доброжелательность. Она никогда не была «добренькой». Могла быть строгой, суровой. Но она всегда оставалась доброжелательна. Даже если приходилось принимать сложные решения, ругать нерадивых студентов, говорить нелицеприятные вещи, Юлия Михайловна никогда не делала это для того, чтобы унижить человека, показать свою власть, навязать личное мнение. Она всегда желает добра. Желает его и людям, и танцу — тому искусству, которое стало ее жизнью, а она — его легендой.

Что еще можно сказать про Юлию Михайловну? Я лично не могу не отметить ее прекрасное чувство юмора и высшее его проявление — самоиронию. Юлия Михайловна всегда готова подшутить над собой и, несмотря на то, что она маститый ученый и писатель, все же продолжает оставаться юной девушкой, обладающей большой мудростью.

В ней сочетаются взаимоисключающие вещи — умение помнить и способность забывать. Юлия Михайловна помнит тончайшие нюансы увиденных когда-то спектаклей (и, конечно, в отличие от многих она умеет их рассмотреть), мельчайшие детали биографий деятелей хореографического искусства, но в то же время она совершенно забывает, кого и когда она натолкнула на замечательную мысль, принесшую впоследствии успех этому человеку, и не помнит обид, которые вольно или невольно наносились ей. Такое впечатление, что Юлия Михайловна вообще не помнит, что она сделала для развития хореографического искусства. А ведь действительно — сделала она так много, что сложно представить, что это результаты трудов одного человека.

Юлия Михайловна знает о танце все и со всех сторон — она знает его как исполнитель, как исследователь, как балетмейстер, как педагог, как писатель. Она знает все его направления и жанры,

его сильные и слабые стороны, хорошее и плохое, прекрасное и безобразное. Но помнит и показывает всем нам только лучшее и тем самым делает мир танца прекраснее.

ВСЕГДА УДИВИТЕЛЬНО СОВРЕМЕННА!

*С. В. Гутковская,
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой хореографии, профессор БГУКИ*

Юлия Михайловна Чурко. Чем больше узнаю ее и глубже осмысливаю достижения, тем больше поражаюсь уникальности ее личности.

Говорю о человеке, знакомством с которым очень дорожу. Нет, не просто дорожу, а горжусь таким близким знакомством и оцениваю его как удивительный подарок судьбы! Как написать искренне, без дежурных фраз и литературных штампов не просто о человеке, а, повторюсь, о Личности? Личности яркой и незаурядной. Есть ли какие-то рецепты?

Написать о Юлии Михайловне книгу (сюжетов в ее жизни столько, что хватит на несколько увлекательных романов) мечтаю давно, и, пожалуй, эта статья будет еще одним кирпичиком в фундамент будущей книги о ней.

Описывая ее достижения, трудно не впасть в хвалебный стиль, поскольку сегодня нельзя себе представить хореоведение без творчества доктора искусствоведения, профессора Юлии Михайловны Чурко.

Во многом благодаря ее научно-исследовательской и литературной деятельности в мире узнали о таком явлении, как белорусский балет. Именно она создала имя многим деятелям белорусского балетного искусства. Ее оценки, выводы, предположения остаются актуальными и сегодня. Открываешь статью, опубликованную десятилетия назад, и тебя не покидает ощущение, что